

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

Клинг О. А.
Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-1543-5253
E-mail: okling@yandex.ru

УДК 82-1
DOI 10.26170/FK19-03-01
ББК Ш301
ГСНТИ 17.07.29
Код ВАК 10.01.08

ВЛИЯНИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ РУССКИХ СИМВОЛИСТОВ НА ПОНИМАНИЕ В. М. ЖИРМУНСКИМ ПОЭТИКИ КАК НАУКИ

Аннотация. Теоретическое наследие русских символистов оказало решающее влияние не только на становление формализма в России, но и на формирование представления о поэтике как науке у В. М. Жирмунского. Если работу «Преодолевшие символизм» можно назвать манифестом акмеизма, то «Задачи поэтики» не менее ярким манифестом нового литературоведения 1910-х – 1920-х гг. Исходный тезис Жирмунского, в котором и дается определение поэтике как науки, предельно заострен. В статье рассматриваются разные редакции работы В. М. Жирмунского «Задачи поэтики», в них отразилась динамика отношения ученого к литературоведческому наследию русского символизма. «Задачи поэтики» 1921 г. и в окончательной редакции различаются порой существенно. Рассматривается также предисловие Жирмунского к книге «Вопросы теории литературы» (1928), которое по-новому высвечивает оценку русских символистов в окончательной редакции работы «Задачи поэтики». В конце 1920-х гг. Жирмунский оценивает, к примеру, роль Брюсова в становлении поэтики как науки несколько иначе, чем в тексте статьи «Задачи поэтики». Так чисто теоретический аспект в осмыслении наследия символизма пересекается с литературно-эстетической борьбой тех лет. Понимание поэтики как науки у В. М. Жирмунского, формалистов, в целом в литературоведении 1910-х – 1920-х гг. восходит во многом к теоретическому наследию русского символизма.

Ключевые слова:
русский символизм;
поэтика; формализм;
литературоведы.

Kling O. A.
Moscow, Russia

THE INFLUENCE OF RUSSIAN SYMBOLISTS' LITERATURE STUDIES ON V. M. ZHIRMUNSKY'S UNDERSTANDING OF POETICS AS AN ACADEMIC DISCIPLINE

Abstract. The theoretical heritage of Russian symbolists affected not only the establishing of formalism in Russia, but the forming of a view of poetics as an academic discipline in the works of V. M. Zhirmunskiy. If the “Those Who Overcame Symbolism” can be seen as the manifesto of acmeism, then the “Goals of Poetics” is an equally brilliant manifesto of the new literature studies of the 1910s–1920s. Zhirmunskiy’s initial thesis is very poignant. The article deals with different editions of V. M. Zhirmunskiy’s “Goals of Poetics”, which mirrored his attitude towards the philological heritage of Russian symbolism. The initial edition of 1921 and the final edition have substantial differences. The article also deals with Zhirmunskiy’s prologue to the book “Issues of the Theory of Literature” (1928), which helps shed new light on his evaluation of Russian symbolists in the final edition of the “Goals of Poetics”. For example, in the late 1920s Zhirmunskiy views Bryusov’s role in establishing poetics as an academic discipline in a slightly different way, compared to the initial text of the “Goals of Poetics”. Thus, the purely theoretical aspect of comprehending the symbolists’ heritage intertwines with the literary-aesthetic fight of those years. The understanding of poetics as an academic discipline by Zhirmunskiy, the formalists and in the literature studies of the 1910s–1920s in general goes back to the theoretical heritage of Russian symbolism.

Keywords:
Russian symbolism;
poetics; formalism;
literary scholars.

Благодарности: статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 18-012-00727А/19 на тему «Влияние литературоведческого наследия русского символизма на теорию литературы 1910-х – 1920-х годов».

Acknowledgments: the article was prepared as part of the RFBR grant No. 18-012-00727А/19 “The influence of the literary heritage of Russian symbolism on the theory of literature of the 1910s–1920s”.

Для цитирования: Клинг, О. А. Влияние литературоведения русских символистов на понимание В. М. Жирмунским поэтики как науки / О. А. Клинг // Филологический класс. – 2019. – № 3 (57). – С. 8–12. DOI 10.26170/FK19-03-01.

For citation: Kling, O. A. The Influence of Russian Symbolists' Literature Studies on V. M. Zhirmunskiy's Understanding of Poetics as an Academic Discipline / O. A. Kling // Philological Class. – 2019. – № 3 (57). – P. 8–12. DOI 10.26170/FK19-03-01.

В статье «Преодолевшие символизм» В. М. Жирмунский называет поколение поэтов 1910-х гг. «...в большей или меньшей степени преодолевшими символизм. По отношению к традиции воспитавшей их эпохи для молодых поэтов характерна двойственность: сло-

весные завоевания символизма сохраняются, культивируются и видоизменяются для передачи нового душевного настроения, зато душевное настроение, породившее эти завоевания, отбрасывается как надоевшее, утомительное и ненужное» [Жирмунский 1977:

15]. Осмысляя «журнальную науку» символистов (Андрей Белый, В. Брюсов, Вяч. Иванов, др.) и особенно книгу Андрея Белого «Символизм», Б. М. Эйхенбаум в статье 1926 г. «Теория „формального метода“» писал почти в таких же словах о двойственном отношении к литературоведению символизма: с одной стороны, воздавал должное, а с другой стороны, настаивал: «встреча двух поколений» (на самом деле: *шибка*, столкновение) – символистов и постсимволистов не только в искусстве, но и в науке – «определилась не по линии академической науки, а по линии этой журнальной науки – по линии теории символистов и методов импрессионистической критики» [Эйхенбаум 1987: 378–379]. С дистанции времени Эйхенбаум так передает притяжение/отталкивание теорий символистов и формалистов: «Мы вступили в борьбу с символистами, чтобы вырвать из их рук поэтику и, освободив ее от связи с их субъективными эстетическими и философскими теориями, вернуть ее на путь научного исследования фактов. Воспитанные на их работах, мы с тем большей ясностью видели их ошибки» [Эйхенбаум 1987: 379].

В оценке поэзии символизма Жирмунский ровно на десятилетие раньше в сходном ключе описывает «наследство», от которого акмеисты отказались: «Кажется, поэты устали от погружения в последние глубины души, от ежедневного восхождения на Голгофу мистицизм <...> Для молодых поэтов, преодолевших символизм, всего более знаменательно постепенное обеднение эмоционального, лирического элемента» [Жирмунский 1977: 109]. А слова Эйхенбаума о журнальной науке символистов, при всей нередкой полемике двух ученых, будто выросли из Жирмунского¹.

Теоретическое наследие русских символистов оказало решающее влияние не только на становление формализма в России, но и на формирование представления о поэтике как науки у В. М. Жирмунского. Если работу «Преодолевшие символизм» можно назвать манифестом акмеизма, то «Задачи поэтики» не менее ярким манифестом нового литературоведения 1910-х – 1920-х гг.

Исходный тезис Жирмунского, в котором и дается определение поэтике как науки, манифестарно заострен: «Поэтика есть наука, изучающая поэзию как искусство... за последние годы наука о литературе развивается под знаком поэтики... Не эволюция философского мировоззрения или „чувства жизни“ по памятникам литературы, не историческое развитие и изменение общественной психологии в ее взаимодействии с индивидуальной психологией поэта-творца составляет в настоящее время предмет наиболее оживленного научного интереса, а изучение поэтического искусства, поэтика историческая и теоретическая. Тем самым история поэзии становится в один ряд с другими науками об искусстве, совпадая с ними в своем методе

и отличаясь лишь особыми свойствами подлежащего ее ведению материала. Рядом с историей изобразительных искусств, историей музыки и театра она занимает место как наука о поэтическом искусстве» [Жирмунский 1977: 15].

Вариант статьи «Задачи поэтики» в журнале «Начала» (№ 1, 1921), который позже вошел в книгу 1924 г. «Задачи и методы изучения искусства» (Пб.), несколько иной. Начинается он сразу с упоминания Веселовского: «Со времен основополагающих трудов акад. Александра Ник. Веселовского среди историков литературы все более укрепляется сознание, что наука о литературе имеет свой особый предмет и свой самостоятельный метод, независимый от общих задач культурно-исторического исследования» [Жирмунский 1921: 51]. Далее текст совпадает с вариантом «Задач поэтики» в последнем варианте 1919–1923 гг., а затем снова возврат к имени Веселовского в несколько отличающемся от последнего издания «Задач поэтики» фрагменте 1921 г., в котором Жирмунский видит задачу поэтики «...в изучении истории поэтического искусства, или, по терминологии Веселовского, „историческая поэтика“» [Жирмунский 1921: 51]. Дальнейший текст «Задач поэтики» из журнала «Начала» снова отличается от канонического. В полемике с формалистами (а эта полемика была косвенно связана с очередным обозначением роли символистов в становлении поэтики как науки) Жирмунский считает задачу (?) невыполненной: «...грандиозный замысел „исторической поэтики“ Веселовского до сих пор остается незаконченным; несмотря на общее увлечение вопросами „поэтической формы“, специальные исследования по истории стиля по-прежнему немногочисленными. «Формальный метод имеет много приверженцев», но работа ведется ощупью, без всякой системы, и не имеет достаточно определенных результатов» [Жирмунский 1921: 51].

Это суждение с элементами критики формализма не вошло в окончательный текст «Задач поэтики». Не вошел и следующий фрагмент, потому имеет смысл его привести. Это положение имеет принципиальное значение в рамках темы данной статьи, так как оно вытекает из многочисленных теоретических построений русских символистов, в первую очередь Андрея Белого, в изучении литературы: «...только систематическое изучение поэтических приемов, их сравнительное описание и классификация, могут вывести исследователей поэтического стиля из круга случайных, более или менее счастливых исканий на широкий путь сознательных и методологически обоснованных научных построений, о которых мечтал Веселовский. Только „теоретическая поэтика“ может построить ту систему научных понятий, в которой нуждается историк поэзии при разрешении встающих перед ним исторических проблем» [Жирмунский 1921: 51].

«Задачи поэтики» 1921 г. и в окончательной редакции различаются, порой существенно. Но это не является главным предметом изучения в данной работе. Важно, однако, отметить, что в вариант «Задач поэтики», который вошел в книгу Жирмунского «Вопросы теории литературы» (1928), ученый вставил более расширенный и видоизмененный фрагмент об А. Н. Веселовском и новый об А. А. Потебне, замечу, обозначен-

¹ Литературоведческое наследие В. М. Жирмунского осмыслилось в трудах В. Е. Хализева [Хализев 1998: 50–55], В. Е. Хализева, А. А. Холикова, О. В. Никандровой [Хализев, Холиков, Никандрова 2017], др. ученых [Жирмунская-Аствацатурова, Светикова 1996; Эткинд 1992; Лавров 1996; Михайлов 1994]. Важны также труды Жирмунского, которые характеризуют широту его филологических интересов [Жирмунский 2013; Жирмунский 1982; Жирмунский 1981; Жирмунский 1979; Жирмунский 1972].

ных как предшественники теоретических разработок русских символистов: «Вопросы исторической поэтики были выдвинуты в России трудами акад. А. Н. Веселовского, который оставил незаконченным грандиозный замысел истории литературы, построенной по поэтическим жанрам. Хотя по общему содержанию первых глав своей исторической поэтики он должен был особенно выдвигать вопросы исторического бытования первобытной поэзии, нам ясно из его специальных статей („Из истории эпитета“, „Психологический параллелизм“, незаконченный набросок по «Поэтике сюжета»), что и вопросы теоретические должны были занимать в его построении существенное место. Проблему поэтики теоретической выдвинули работы А. А. Потебни, в особенности книга «Из записок по теории словесности» (1905), и если система Потебни, взятая как целое, возбуждает существенные возражения, то самый метод, указанный в его трудах, – сближение поэтики с общей наукой о языке, лингвистикой, – оказался чрезвычайно плодотворным и получил широкое признание» [Жирмунский 1977: 15].

Возводя истоки такого подхода к литературе к А. Н. Веселовскому и А. А. Потебне, которые были предшественниками на этом пути русских символистов, Жирмунский уже в самом начале окончательного варианта «Задач поэтики» 1919–1923 гг. воздает должное заслугам самих символистов: «Наконец, существенную помощь изучению этих проблем оказали современные поэты, нередко более сведущие в вопросах поэтического искусства, чем ученые-филологи. Валерий Брюсов, в течение многих лет защищавший самоценность искусства от врагов и друзей, посвятил несколько работ стихотворной технике Пушкина, Тютчева и других поэтов. Вячеслав Иванов в своем „Обществе ревнителей художественного слова“ (так называемой „Поэтической академии“) объединил поэтов и филологов, заинтересованных изучением поэтической формы и общими проблемами поэзии как искусства (1910–1912). Андрей Белый в книге «Символизм» (1910) сдвинул изучение русской метрики с мертвой точки и настойчиво указал на необходимость изучения поэтического искусства» [Жирмунский 1977: 15–16].

Этого развернутого суждения о роли символистов в становлении в России поэтики как науки не было в ранних редакциях статьи Жирмунского, в том числе при публикации в журнале «Начало». Фрагмент о русских символистах появится при включении Жирмунским «Задач поэтики» в книгу 1928 г. «Вопросы теории литературы». По этому тексту статья «Задачи поэтики» печаталась в книге Жирмунского 1977 г. [см. указания авторов примечаний: Жирмунский 1977: 376]. Но только в предисловии к книге «Вопросы теории литературы» 1928 г. Жирмунский более полно описывает вклад русских символистов в формирование поэтики как науки. Сначала повторяется тезис из самой статьи «Задачи поэтики»: «Изучение поэтики исторической и теоретической было уже раньше выдвинуто в русской науке трудами А. Н. Веселовского и А. А. Потебни» [Жирмунский 1928: 8]. Затем идут развернутые рассуждения о теоретическом новаторстве в области изучения литературы русских символистов: «Но живые импульсы для методологических исканий в области вопросов лите-

ратурной формы фактически были восприняты нами от теоретиков символизма, заставивших по-новому заинтересоваться и академической традицией изучения поэтики» [Жирмунский 1928: 8]. Если в основном тексте статьи «Задачи поэтики» фрагмент о символистах начинается с Брюсова, который был пионером на этом пути, то в 1928 г. первенство отдается Белому: «На первом месте должен быть назван здесь Андрей Белый: он не только сдвинулся с мертвой точки и сделал неожиданно актуальными вопросы теории стиха, он первый выступил с критикой традиционных эклектических приемов школьной „истории литературы“ и поставил вопрос об особой науке, посвященной специфическим, художественным особенностям поэтических произведений (в методологическом предисловии к статье „Лирика и эксперимент“, в сборнике «Символизм», 1910, стр. 231 сл.)» [Жирмунский 1928: 8–9].

В конце 1920-х гг. Жирмунский оценивает Брюсова несколько иначе, чем в тексте статьи «Задачи поэтики». К Брюсову он как бы привязывает Вяч. Иванова. Можно предположить, что и по прошествии пятнадцати лет после появления на публике акмеизма (1913 г.) Жирмунский помнил, что не только Вяч. Иванов, но и Брюсов не поддержали Н. С. Гумилева и новую поэтическую школу. Известно, что Гумилев на первоначальном этапе становления акмеизма хотел не только Брюсова, Вяч. Иванова, но и Блока пригласить в качестве вождей новой школы. Но они отказались. Так чисто теоретический аспект в осмыслении наследия символизма пересекается с литературно-эстетической борьбой тех лет: «Рядом с ним (Андреем Белым. – О. К.) В. Брюсов обсуждал проблемы формы в ряде статей и заметок, посвященных технологии поэтического ремесла, а Вяч. Иванов ставил их на конкретных примерах разбора стихов и формы на собраниях „Поэтической Академии“. Интерес к формальным проблемам вполне соответствовал общей литературной позиции символистов: защите самодавлеющего значения искусства, его „автономии“ от внеположных искусству задач» [Жирмунский 1928: 9]. После появления работы «Преодолевшие символизм» (1916), которая вошла в сознание читателей как отрицание символизма, на первый взгляд может показаться странным следующее заявление Жирмунского через двенадцать лет: «Одних, как напр., В. Брюсова в первый период его деятельности, эта точка зрения привела к формалистическому эстетизму: литературная группа „акмеистов“, с их бессознательным тяготением к классическим формам и классическому пониманию литературного мастерства, подхватила и продолжала эту тенденцию» [Жирмунский 1928: 9]. Так, ученый возводит теперь акмеизм к одной из сторон поэтики Брюсова и символизма. Ее условно можно обозначить как неоклассику. Как уже приходилось писать автору данной статьи, из другого начала русского символизма – предавангарда – частично вырастет будущий русский футуризм, авангард [Клинг 2010: 12–14]. Жирмунский особо подчеркивает роль Вяч. Иванова, Андрея Белого и их единомышленников. Они, «углубляя исконные романтические устремления русского символизма, видели в поэтическом произведении систему символических выразительных средств для художественной интуиции поэта, и таким образом

пытались наметить связь между проблемами философско-историческими и формальными» [Жирмунский 1928: 9]. Жирмунский признается, что та точка зрения была ему всегда особенно близка. И добавляет: «...статья об Ал. Блоке, перепечатанная в этом сборнике, является попыткой установления связи между „чувством жизни“ и искусством поэта» [Жирмунский 1928: 9].

Исследователь, подчеркивая роль современного художественного опыта, подытоживает: «В соответствии с научным „модернизмом“ нашей эпохи, мы учились пониманию теоретических проблем поэтики и особенностей искусства времен отдаленных на живом материале современной поэзии, непосредственно доступном нашему художественному восприятию» [Жирмунский 1928: 9]. И здесь Жирмунский возвращается к концепции кризиса символизма и «резкому перелому поэтических вкусов, связанных с выступлением нового поколения поэтов – „акмеистов“. Статья „Преодолевшие символизм“ (написана летом 1916 г.) и книга «Валерий Брюсов и наследие Пушкина» (декабрь 1916 –

февраль 1917 г.) написаны именно в это время и расширяют столкновение двух современных литературных групп в типологическую противоположность принципиально разных стилей» [Жирмунский 1928: 10].

Как отмечает Жирмунский, «такое же значение имело выступление русских футуристов для другой группы молодых исследователей, выступившей впервые в „Сборниках по теории поэтического языка“ (вып. I–II, 1916–17): их общие методологические принципы строились на эстетике футуризма» [Жирмунский 1928: 10]. Так Жирмунский прокладывает мостик к объяснению своей полемики с формалистами, но этот аспект выходит за рамки проблематики данной работы. Важно только отметить, что становление футуризма и формализма строились, пусть чаще на его отрицании, но магическом воздействии русского символизма [Клинг 2018]. Но понимание поэтики как науки у В. М. Жирмунского, формалистов, в целом в литературоведении 1910-х – 1920-х гг. восходит во многом к теоретическому наследию русского символизма.

ЛИТЕРАТУРА

- Жирмунская-Аствацатурова В. В., Светикова Е. Ю. В. М. Жирмунский как исследователь поэтики символизма // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 1 (35) – С. 215–249.
- Жирмунский В. М. Вопросы теории литературы. Статьи 1916–1926. – Л.: Academia, 1928. – 358 с.
- Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1982. – 557 с.
- Жирмунский В. М. Задачи поэтики // Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л.: Наука, 1977. – С. 15–55.
- Жирмунский В. М. Задачи поэтики // Начала. Журнал истории литературы и истории общества. – 1921. – № 1. – С. 51–81.
- Жирмунский В. М. Из истории западно-европейских литератур. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. – 362 с.
- Жирмунский В. М. Начальная пора: Дневники. Переписка. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 400 с.
- Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. – 493 с.
- Жирмунский В. М. Очерки по истории классической немецкой литературы. – Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1972. – 495 с.
- Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм // Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л.: Наука, 1977. – С. 106–133.
- Клинг О. А. Влияние литературоведческого наследия русского символизма на теорию литературы 1910-х – 1920-х гг. (Андрей Белый) // Филологический класс. – 2018. – № 1 (51). – С. 7–12.
- Клинг О. А. Влияние символизма на постсимволистскую поэзию в России 1900-х гг.: проблемы поэтики. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. – 356 с.
- Лавров А. В. В. М. Жирмунский в начале пути // Русское сподвижничество. – М.: Наука, 1996. – С. 337–351.
- Михайлов А. В. Ранние книги В. М. Жирмунского о немецком романтизме // Филологические науки. – 1994. – № 2. – С. 32–40.
- Хализев В. Е. Русская литература начала XX века в трудах В. М. Жирмунского 1914–1921 гг. // Постсимволизм как явление культуры: материалы международной научной конференции. – М.: Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), 1998. – Вып. 2. – С. 50–55.
- Хализев В. Е., Холиков А. А., Никандрова О. В. Русское академическое литературоведение: История и методология (1900–1960-е годы): учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. – 176 с.
- Эйхенбаум Б. М. О литературе. Работы разных лет / вступ. ст. М. О. Чудаковой, Е. А. Тоддес. – М.: Советский писатель, 1987. – 540 с.
- Эткинд Е. Г. Историзм В. М. Жирмунского (1910–1920-е годы) // Известия РАН. Отделение лит. и яз. – 1992. – Т. 5. – № 2. – С. 3–17.

REFERENCES

- Eikhnenbaum, B. M. (1987). *O literature. Raboty raznykh let* [About Literature. Works from Various Years] / Prologue by M. O. Chudakova, E. A. Toddes. Moscow, Sovetskii pisatel'. 540 p.
- Etkind, E. G. (1992). *Istorizm V. M. Zhirmunskogo (1910–1920-e gody)* [Historicism of V. M. Zhirmunskiy (1910–1920)]. In *Izvestiya RAN. Otdelenie literatury i yazyka*. Vol. 5. No. 2, pp. 3–17.
- Khalizev, V. E. (1998). *Russkaya literatura nachala XX veka v trudakh V. M. Zhirmunskogo 1914–1921 gg.* [Russian Literature of the Early 20th Century in the Works of V. M. Zhirmunskiy from 1914–1921]. In *Postsimvolizm kak yavlenie kul'tury: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet (RGGU). Issue. 2, pp. 50–55.
- Khalizev, V. E., Kholikov, A. A., Nikandrova, O. V. (2017). *Russkoe akademicheskoe literaturovedenie: Istoriya i metodologiya (1900–1960-e gody)* [Russian Academic Literature Studies: History and Methodology (1900–1960)]. 2nd Edition. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 176 p.
- Kling, O. A. (2010). *Vliyanie simvolizma na postsimvolistskuyu poeziyu v Rossii 1900-kh gg.: problemy poetiki* [The Influence of Symbolism on the Post-Symbolism Poetry in Russia in the 1900s: The Issues of Poetics]. Moscow, Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi. 356 p.
- Kling, O. A. (2018). *Vliyanie literaturovedcheskogo naslediya russkogo simvolizma na teoriyu literatury 1910-kh – 1920-kh gg. (Andrei Belyi)* [The Influence of Russian Symbolism's Philological Heritage on the Theory of Literature of the 1910s–1920s (Andrei Belyi)]. In *Filologicheskii klass*. No. 1 (51), pp. 7–12.
- Lavrov, A. V. (1996) *V. M. Zhirmunskii v nachale puti* [V. M. Zhirmunskiy at the Beginning]. In *Russkoe spodvizhnichestvo*. Moscow, Nauka, pp. 337–351.
- Mikhailov, A. V. (1994). *Rannie knigi V. M. Zhirmunskogo o nemetskom romantizme* [V. M. Zhirmunskiy's Early Books on the German Romanticism]. In *Filologicheskie nauki*. No. 2, pp. 32–40.
- Zhirmunskaya-Astvasaturova, V. V., Svetikova, E. Yu. (1996). *V. M. Zhirmunskii kak issledovatel' poetiki simvolizma* [V. M. Zhirmunskiy as a Researcher of the Poetics of Symbolism]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 1 (35), pp. 215–249.

- Zhirmunskii, V. M. (1921). Zadachi poetiki [Goals of Poetics]. In *Nachala. Zhurnal istorii literatury i istorii obshchestva*. No. 1, pp. 51–81.
- Zhirmunskii, V. M. (1928). *Voprosy teorii literatury. Stat'i 1916–1926* [Issues of the Theory of Literature. Articles from 1916–1926]. Leningrad, Academia. 358 p.
- Zhirmunskii, V. M. (1972). *Ocherki po istorii klassicheskoi nemetskoj literatury* [Essays on the History of Classical German Literature]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, Leningradskoe otdelenie. 495 p.
- Zhirmunskii, V. M. (1977). Preodolevshie simbolizm [Those Who Overcame Symbolism]. In *Teoriya literatury. Poetika. Stilistika*. Leningrad, Nauka, pp. 106–133.
- Zhirmunskii, V. M. (1977). Zadachi poetiki [Goals of Poetics]. In *Teoriya literatury. Poetika. Stilistika*. Leningrad, Nauka, pp. 15–55.
- Zhirmunskii, V. M. (1979). *Sravnitel'noe literaturovedenie. Vostok i Zapad* [Comparative Literature Studies. East and West]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie. 493 p.
- Zhirmunskii, V. M. (1981). *Iz istorii zapadno-evropejskikh literatur* [From the History of Western European Literatures]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie. 362 p.
- Zhirmunskii, V. M. (1982). *Gete v russkoj literature* [Goethe in Russian Literature]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie. 557 p.
- Zhirmunskii, V. M. (2013). *Nachal'naya pora: Dnevnik. Perepiska* [The Early Years: Diaries. Correspondence]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 400 p.

Данные об авторе

Клинг Олег Алексеевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории литературы филологического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва).

Адрес: 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1-й гуманитарный корпус, филологический факультет, каб. 932.

E-mail: okling@yandex.ru.

Author's information

Kling Oleg Alekseevich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Theory of Literature of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow).